

К истокам отечественного консерватизма: политологический взгляд

Учитывая мощный исторический тренд, уже обозначенный в предыдущих выступлениях, постараюсь кратко коснуться темы истоков российского консерватизма и зарождения в рамках отечественной консервативной мысли нескольких магистральных дискуссионных тем, пронизывающих отечественное консервативное сознание и сохраняющих свою значимость поныне.

Российская консервативная мысль далеко не во всех аспектах обнаруживает соответствие как англосаксонской, так и континентальной европейской консервативной традиции. Объяснение этому явлению лежит не в специфической «широте русских натур», а в конкретных обстоятельствах российской истории, оказавших влияние на эволюцию ее общественно-политической мысли. К числу подобного рода обстоятельств относится прежде всего действующий на протяжении по меньшей мере трех последних столетий фактор так называемого догоняющего развития. При всей относительной популярности идеи «догоняющего развития» в отечественной литературе существует не слишком много работ, рассматривающих в контексте этой проблемы эволюцию различных течений общественно-политической мысли в России. И как раз применительно к анализу консерватизма эта идея оказалась совершенно невостребованной. Между тем ряд особенностей русской консервативной мысли (в частности, знаменитая антитеза Запад – Россия) труднообъяснимы без учета данного фактора.

В континентальной Европе, и особенно в Англии, основой консервативного мировоззрения был традиционализм. В частности, воззрения одного из отцов-основателей западного консерватизма Э. Бёрка (при всех либеральных составляющих его политического кредо) буквально пронизаны поклонением святости традиции. Следовать традиции – значит действовать в соответствии с естественным ходом вещей, соотносить свои индивидуальные действия с вековой мудростью, аккумулированной в традиционных нормах и установлениях. У представителей же отечественной политической и интеллектуальной элиты отношения с культурно-исторической традицией складывались куда менее гармонично.

Процесс размывания традиционных ценностей в среде русской политической элиты начался задолго до петровских преобразований. Чего стоит церковная реформа Никона, когда новое было объявлено хорошо забытым старым, а традиция – в политических целях – принесена в жертву каноническим новациям. Объектом ценностного заимствования в XVIII веке в основном выступала дворянская культура, которая уже утрачивала свои позиции на Западе. Подобного рода культурные рецепции в принципе обесмысливали понятие «традиционности» в российском контексте, для вестернизированной элиты «традиция» (дворянский кодекс чести, стиль мышления, правила поведения и т.д.) заимствовалась вместе с табаком, картошкой и армейскими артикулами [2, с. 138]. Такой «традиционализм» имел довольно опосредованное отношение к действительной

русской национально-культурной традиции. Именно поэтому просвещенный XVIII век предопределил как постановку вопроса о «беспочвенности» русской культурной и политической элиты, так и последующие довольно умозрительные и произвольные попытки воссоздать в ретроспективе отечественную традицию.

В результате на протяжении всего XVIII века консервативно окрашенный традиционализм оставался уделом представителей дворянско-чиновной аристократии, образовавшейся в значительной мере благодаря вестернизации российского общества. Особенностью такого «традиционализма» был эклектизм, то есть соединение несоединимого. Поддержка в целом курса военно-административных преобразований, определенный, более или менее значительный, уровень образованности сочетались у «новых русских» аристократов с явной архаикой в политической сфере. В воззрениях отечественных «традиционалистов» второй половины XVIII века характерные для крепостников средневековые представления были причудливо перемешаны с идеями европейского Просвещения. Типичный представитель послепетровской плеяды мыслителей и государственных деятелей князь М.М. Щербатов активно использовал в своих политических сочинениях просветительские идеи, однако под пером русского «традиционалиста» они приобретали весьма экзотическую форму. Так, во взглядах Щербатова на происхождение государства явно просматривается влияние теорий естественного права и общественного договора, но эти естественные права распространялись только на дворянство, а общественный договор трактовался как соглашение верхушки аристократии по поводу выбора правителя и прерогатив государя. Тезис физиократов о решающем значении земледелия в экономической жизни народов использовался русским консерватором для доказательства исключительной роли дворянства как основного «земледельческого» класса в России, обоснования требований земельной аристократии к правительству и т.д.

Поворотным событием для эволюции отечественной общественно-политической мысли оказалась Великая Французская революция, под влиянием которой в России формируется относительно самостоятельная консервативная идеология, постепенно подменившая европеизированный традиционализм XVIII века. Революция в корне изменила облик той цивилизации (или, во всяком случае, ее центра, каковым тогда была Франция), частью которой притязала быть Россия. Русское дворянство пережило настоящую духовную драму, цена вестернизации – революция – не могла не показаться ей чрезмерной. На рубеже столетий появляются первые признаки отказа значительной части правящей элиты от духовного родства с Европой, что влекло за собой поворот общественного сознания. Если ранее своеобразным культурным эталоном было стремление к полному отождествлению российских институтов и самой русской истории с европейской («Антидот» Екатерины II на книгу аббата Шаппа) вкупе с поиском природно-климатических, географических и естественно-исторических причин отсталости России (Болтин), то отныне «в моду» входило утверждение субстанциальных, коренных отличий России от Европы. Проведенные по западным лекалам реформы повысили эффективность государственного управления, увеличили боеспособность армии, дали России выход к морю, ввели ее в число великих держав Запада. Однако общественно-политическая мысль рубежа XIX века уже не могла отвлечься от того факта, что, «прорубив окно в Европу», русские впустили в свой дом вместе с духом Просвещения также и джинна революции. Поэтому на знаменах охранительно-консервативного направления с тех пор было начертано – мы не Европа, у нас есть собственные история и традиции. Этот перелом был закреплен в период наполеоновских войн, когда противостояние объединенной «корсиканским чудовищем» континентальной Европе из метафизической и интеллектуальной сферы перешло

в военно-политическую плоскость. Из основных тем европейского консерватизма первой половины XIX века – противостояние революции, рационализму и индивидуализму, социальной атомизации нарождающейся буржуазной цивилизации – русские консерваторы (Шишков, Карамзин и др.) концентрировались прежде всего на одной – противостояние российской самодержавной государственности революционной буре и интеллектуальному натиску, идущим из Европы.

Карамзин времен «Записки о древней и новой России» талантливо выразил мнение тех кругов российского дворянства, которые под влиянием Французской революции от мало критического заимствования европейского опыта перешли к напряженным размышлениям об исторических судьбах родной страны. Эта рефлексия фактически вынудила отечественное консервативное сознание сменить знаки – плюсы на минусы: то, что ранее выглядело привлекательным и разумным, стало казаться уродливым и неорганичным. Каждый новый шаг по пути реформ и европеизации страны, любое движение в сторону секуляризма и конституционализма воспринимались отныне чуть ли не как уступки новой «пугачёвщине» и революции, посягательство на устои государственности. В связи с этим у Карамзина впервые амбивалентную оценку получило и царствование Петра I. С одной стороны, по мнению историка, Петр «сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг – и всё переменялось!». Но, с другой стороны, к чему привели эти перемены? Петр преобразовал лишь дворянство, уничтожил самостоятельность церкви, а «страсть к новым для нас обычаям переступила в нем границы благоразумия» – всё это историк занес в пассив царя-реформатора, полагая, что в результате Россия встала на тот пагубный путь интеллектуальных эволюций, которым прошла Франция накануне революционного коллапса. Отсюда и вывод Карамзина: настало время остановиться, оценить пройденное и на этом основании «требовать более мудрости охранительной, нежели творческой».

Однако дворянский консерватизм Н.М. Карамзина или, скажем, мистика князя А.Н. Голицына очень быстро стали анахронизмом. Идеейные контуры «охранительного» направления консервативной мысли были окончательно закреплены в 1831–1849 годах министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, сформулировавшим знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность». А видными представителями государственно-охранительного консерватизма выступили историк М.П. Погодин, литератор С.П. Шевырёв и др. Основой русского «охранительства» стали, как известно, три основные идеи – самодержавной монархии как надклассовой силы, защищающей интересы каждого из сословий и общества в целом, православия и народности. Каждая из них особым образом выражала неприятие политической элитой тенденций, возобладавших на раздираемом классовыми противоречиями и «поражённом изнутри» рационализмом Западе. Но стержнем подобного мировоззрения явилось утверждение об особом пути России и уникальности ее культурно-исторического опыта.

Особое внимание при этом уделялось реконструкции неповторимых истоков или «начал» истории русского государства, отличающих ее от истории Запада. Западная Европа завоевана немецкими племенами. Россия занята исконно населявшими ее славянами. Корни европейского христианства – в Риме, российского – в Византии и т.д. Раз Россия не знала завоевания, то в ней не существовало ни своевольной феодальной аристократии, ни третьего сословия, а следовательно, отсутствовал фактор сословной, или классовой, борьбы. Православная церковь, в отличие от соблазненного мирской властью католичества, не вступала в конфликт с государством, а добровольно подчинила свои интересы светской власти. История России, таким образом, была определена

как поистине «бесконфликтная»: в ней не было «ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы»¹, потому она представляет собой совершенно иной тип цивилизации. А раз установлен ценностный смысл исторических начал в государстве, то тем самым доказывается необходимость его сохранения, более того – становится очевидной потребность в мудром охранении и бережной консервации сложившихся социальных отношений и политических институтов, венцом которых является, разумеется, самодержавие.

Несколько особняком в истории отечественной общественно-политической мысли стоит фигура П.Я. Чаадаева. Здесь звучал уже сегодня вопрос о том, можно ли назвать его консерватором. Думается, можно. И, судя по переписке, консерватором на грани обскурантизма. Для многих исследователей загадкой остается парадокс его мировоззрения, совмещавшего, казалось бы, несовместимое: консерватизм без консервации (в России нечего консервировать, сакрализируя не только в институциональном, но и духовном плане), органицизм без органичности (постулирование неорганического характера русской истории и одновременно ориентация на вроде бы более органичный западный тип исторического развития) и даже романтизм без романтики (романтическое восприятие преданий европейской старины при пренебрежении отечественной историей) [подр. см. 3]. Западническая ориентация Чаадаева очевидна. Но не менее очевидно и то, что автору «Философических писем» просто не пришло бы в голову звать читателей в возникающую на его глазах Европу чугуна и стали, в мир рантье и расчетливых дельцов. Его мысленный взор был прикован к другой Европе – Европе строгой церковной иерархии, просвещенной аристократии, разума и добродетели. Именно это обстоятельство позволило А. Валицкому назвать его систему воззрений «консервативной утопией», сопоставимой с утопией славянофильской. Несходство этих утопий польский исследователь усматривал в том, что для Чаадаева воплощением идеала была старая, добуржуазная и явно идеализированная Европа, а для славянофилов – старая допетровская Русь [1, с. 156].

Хотя между славянофильством и охранительным консерватизмом и существовали определенные точки соприкосновения (и те, и другие верили в самобытный, незападный исторический путь России и выступали против рецепции западных институтов), представители этих направлений по-разному трактовали ключевые ценности российской цивилизации и расходились по вопросу о том, что из них прежде всего нуждается в консервации. В то время как для консерваторов-государственников важнейшей ценностью выступало самодержавное государство, славянофилы стремились прежде всего сохранить неповторимое духовное и социокультурное своеобразие русского народа. В отличие от охранителей они делали акцент прежде всего на первом и третьем элементах «уваровской триады», то есть на православии и народности (под которой мыслители этого направления понимали «личность народа», «народный облик»², говоря более современным языком – русскую идентичность).

Ключевыми постулатами славянофильской доктрины были самобытность России и ее фундаментальное отличие от стран Запада. (Интересно, что при этом на мировоззрение славянофилов оказали сильное влияние немецкая классическая философия и немецкий романтизм – Г. Гегель, Ф. Шеллинг, И. Гердер; до такой степени, что тот же Чаадаев язвительно именовал их «заскорузлыми тирольцами в зипунах»). Славянофильский мировоззренческий комплекс отличало довольно сложное, подчас парадоксальное переплетение элементов консервативного романтизма и умеренного либерализма, ориентаций на под-

¹ *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 62.

² *Аксаков К.С.* Простой народ – разумная стихия России: передовые статьи из газеты «Молва» (1857) // Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. М., 2012. С. 523–524.

держание ряда архаичных социальных институтов и своеобразной идеологии «консервативного прогрессизма».

Консервативный характер славянофильского мировоззрения определил свойственный ему антизападнический комплекс. Для А. Хомякова и И. Киреевского Запад отождествлялся с современной (в узком смысле этого слова) цивилизацией со всеми присущими ей пороками – от рационализма и индивидуализма до индустриализма. Россия в данном философском контексте становилась воплощением космоса, «органического», «единого» и т.п. мира, которому, как верили славянофилы, принадлежит будущее. И хотя никому из славянофилов не пришло бы в голову сравнивать Европу с еще живым, но уже тронутым тлением организмом, как это сделал консерватор-охранитель С. Шевырев, введший в оборот метафору о «гниении Европы», тема гибельности европейского пути была обозначена ими достаточно определенно. У славянофилов речь шла скорее не о превосходстве, а о преимуществах, присущих России из-за ее отсталости (неразвитости капиталистических отношений), которые дают ей возможность двигаться по особому пути исторического развития. Антизападничество славянофилов не сводилось к стремлению дистанцироваться от Запада, но предполагало готовность к сопротивлению «внутреннему Западу», то есть разрушительным, с точки зрения консервативного сознания, проявлениям современной цивилизации. Так, заимствование принципов европейского Просвещения, полагали славянофилы, принесёт России только вред, так как настоящее просвещение может прийти лишь из глубин самого народа. Полезным и допустимым, с их точки зрения, можно было считать «только техническое – техническое в самом широком смысле этого слова – заимствование образцов и идей из-за границы; такое заимствование, которое может быть усвоено национальным организмом, не причинив особого вреда» [2, с. 112]. Понятно, что базовые религиозные, социально-политические, философские принципы, как и политические институты западной цивилизации, рецепции не подлежали.

Важнейшей характерной чертой российского социального и нравственно-духовного уклада, отличающей его от раздробленного и индивидуалистического европейского общества, славянофилы считали соборность, то есть гармоническое согласование личных и общественных интересов. С их точки зрения, католицизм означает принудительное, авторитарное единство верующих, основанное на внешнем авторитете, протестантизм – свободу изолированных индивидов, не связанных высшим единством, в то время как в православии осуществляется «соборный» синтез свободы и единения. Воплощение принципа соборности славянофилы видели и в русской сельской общине, ставшей «как бы светскою, исторической стороною церкви»¹.

Исключительное, если не сказать ключевое, место в теоретических построениях славянофильства занимала категория органичности. Славянофилы полагали, что жизненный уклад московской Руси стоял на органических, соборных основах, в то время как реформы Петра I означали разрыв с ними. По словам К.С. Аксакова, суть взглядов его единомышленников сводилась к тому, «что Россия допетровская имела... свои начала, свой путь, своё стремление, что эти древние начала суть залог её преуспевания в будущем, что живая связь с стариною, с преданием необходима... что для своего просвещения, для оживления и преуспевания (прогресса) Россия должна обратиться не к формам, конечно, но к своим древним основным началам...»². Неудивительно, что при этом славянофилы идеализировали и даже мифологизировали российское прошлое (что, впрочем, остается характерной чертой отечественного консерватизма до наших дней).

¹ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 64.

² Аксаков К.С. Простой народ – разумная стихия России. С. 523.

Смысл консервативной утопии, однако, вовсе не сводился для славянофилов к возвращению в допетровскую Русь, как это пытались представить многочисленные их критики. Теоретики славянофильства не были склонны игнорировать проблемы модернизации общества, и в этом смысле весь комплекс их идей выходит далеко за рамки дефиниции «ретроспективная утопия», предложенной П. Чаадаевым. Консервативный утопизм славянофилов отличало осознание потребности трансформации социально-политических отношений в стране, но в равной степени и стремление осуществить эту трансформацию в наименее болезненных и травмирующих сложившуюся социальную структуру общества и элементы национальной культурной традиции формах. По словам А. Хомякова, консерваторство «есть постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыв гибелен»¹.

Эти представления об органичности и эволюционном характере исторического процесса в сочетании с очевидным неприятием западного опыта капиталистической модернизации и отрицанием полезности революционных трансформаций привели к активному поиску специфически российского пути общественной эволюции. Собственно, консервативную окраску и оттенок утопизма придало этому мировоззренческому комплексу утверждение в качестве непреходящих ценностей определенных форм религии (православие) и социальных связей (община). Требование сохранения национальной специфики в ходе модернизации позволяет характеризовать славянофильскую консервативную утопию не просто как разновидность автохтонной «почвеннической» идеологии, но как одну из первых в истории мировой социально-политической мысли попыток теоретического обоснования «третьего пути» общественного развития, то есть модернизации общества без индустриализации западного типа, предполагающей массовую пролетаризацию населения и разрушение традиционных общественных связей.

Таким образом, отечественный консерватизм уже на первых этапах своего развития обладал рядом особенностей. Во-первых, в нем отсутствовало единое понимание «традиции», когда закладывались основы консервативного идейного комплекса. Из-за ценностных противоречий в среде политической элиты со второй половины XVII века вплоть до конца XVIII века представления о «традиционных», «исконных» элементах культуры носили весьма умозрительный характер. Строго говоря, старомосковская политическая и культурная традиция к началу XIX века во многом была безвозвратно утрачена. Все попытки ее реконструкции неизбежно приобретали характер искусственных построений. Причем неопределенность понятия «русская традиция» и, соответственно, эфемерность традиционализма как мировоззрения позволяли трактовать «традицию» очень произвольно, отнеся ее генезис в допетровские времена (славянофилы), указав на ее истоки в своеобразно трактуемом «византизме» (Погодин и ряд теоретиков «охранительного» направления), или же находить ее в некоем самобытно российском характере политического и государственного устройства – самодержавии (на котором концентрировались Карамзин и охранительное направление в целом).

Другим специфическим признаком российского консерватизма, во многом обусловленным «догоняющим» типом развития страны, стали попытки совмещения взаимоисключающих нередко положений в рамках единого мировоззренческого комплекса при колоссальном воздействии на процесс его формирования общественно-политической и философской мысли Запада (прежде всего Германии). Стремление завершить трансформацию наиболее

¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. 3-е изд. М., 1900. Т. VIII. С. 211.

архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. Желание сохранить реальные или мнимые достоинства национальной культуры, наряду с теми или иными особенностями социальной структуры, входило в противоречие с процессом даже сильно ограниченных военно-административных преобразований.

Третьей особенностью отечественного консерватизма, также являющейся прямым следствием «догоняющего» типа развития страны, стала постановка проблемы взаимоотношений России и Запада (геополитических, культурных и т.д.). При этом Европа выступала объектом неприятия в рамках бинарных оппозиций, прочно закрепившихся в структуре консервативного мышления (рационализм – органицизм, революция – эволюция, хаос – космос, атомизация – соборность и т.д.), и антитезой, спроецированной на будущее «консервативной утопии». Реакцией на этот своеобразный «западный комплекс» стали и традиционалистское, во многом антимодернизационное «самобытничество» теоретиков официальной народности, и поиски славянофилами особого пути исторического развития.

Таким образом, вопреки устоявшимся представлениям, отечественный консерватор, пожалуй, не в меньшей степени, чем либерал, являлся по преимуществу кабинетным мыслителем, взращенным на идеях западной философии, но предлагавшим весьма избирательное восприятие западного исторического опыта. Этого оказалось достаточно для укоренения мифа о его глубокой «традиционности» и косности. Русский консерватизм XIX века, как и консерватизм европейский, стремился к смягчению болезненных сторон модернизационного процесса. Однако, опираясь не столько на реально сохранившуюся традицию, воплощенную в соответствующих институтах и обычаях, сколько на довольно абстрактное и спекулятивное представление о ней, отечественные консерваторы объективно оказались в ситуации выбора между косным охранительством или оторванным от жизни утопизмом. Драма русского консерватора в конечном счете была драмой «догоняющего» общества, где органичность и эволюционизм зачастую выступали синонимами стагнации и регресса [подр. см.: 4, с. 146–147].

* * *

И возвращаясь к современности. В последние годы на наших глазах формируется новый политический тренд. Россия позиционирует себя ныне как консервативная мировая держава. Причем во всех смыслах – от поддержания существующих норм и принципов международного права до консервативного традиционализма семейных ценностей. Это вроде бы открывает новые возможности для консервативной рефлексии. Общественная среда в России по результатам многочисленных социологических исследований выглядит в целом националистичной и довольно консервативной (в плане поддержания традиционных семейных, религиозных и иных ценностей российским гражданам точно нет равных в Европе). Однако политический консерватизм в целом непопулярен. Виной тому сразу несколько причин. В том числе глубокий непреодоленный раскол современного отечественного консерватизма на «красное» и «белое» течения (неспособность к пресловутому «красно-белому» синтезу в консервативных рядах). Слабость и оторванность от реальности социально-экономической платформы, при которой «красные» смотрят назад, в советское прошлое и черпают там вдохновляющие примеры если и не экономической, то технологической и политической эффективности, а «белые» довольно абстрактно размышляют о неких экзистенциальных преимуществах и духовных основах России. Отсюда проистекает неспособность дать внятное видение перспектив

страны при выраженном обличительном пафосе. Современный российский консерватор – это относительно безответственный социальный и политический критик, либо оторванный от жизни исследователь.

Размытость традиции и акцентированность на отношениях России с Западом оставляют простор а) для конструирования объединяющих консервативные силы оснований консервативного идейного комплекса и б) одновременно дают импульс к общенациональной мобилизации перед лицом внешних сил. Вопрос состоит в том, как методически грамотно и политически эффективно распорядиться этим имеющимся в отечественной консервативной мысли наследием.

Ну и, возвращаясь к теме нашего мероприятия: творческое наследие Н. Бердяева, который не возводил непреодолимых барьеров между русской идеей и истоками и смыслом русского коммунизма, – замечательный пример креативного и нешаблонного подхода к осмыслению наиболее трудных вопросов отечественной истории и политической философии.

Литература

1. [Валицкий А.] Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджеев Валицкого: Реф. сб.: в 2-х вып. / Сост. К.В. Душенко. Вып. 2. М., 1992.
2. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века) / Пер. с англ. М.: Русский путь, 2012. 350 с.
3. Соловьев Э.Г. Либеральный консерватизм в России: апология сумасшествия или голос разума (на примере творчества П.Я. Чаадаева) // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 4. С. 79–94.
4. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Полис. 1997. № 3. С. 137–147.